

«А ты Крюкова знаешь?..»

В. А. Клевно, ученик Виталия Николаевича КРЮКОВА

Почетный профессор АГМУ, Барнаул, 2004 г.

На вопрос «А ты Крюкова знаешь?» мне пришлось отвечать дважды в жизни. Начну, пожалуй, со второго случая, потому что он был совсем недавно – когда я погружился в размышления над этим мемуарным очерком, который готовился написать к конференции, посвященной памяти Виталия Николаевича Крюкова – видного отечественного ученого, моего знаменитого и бесконечно уважаемого учителя. Так знаю ли я Крюкова?.. И да, и нет... Но расскажу обо всем по порядку.

Заканчивая учебу в институте, себя я видел исключительно в хирургии. Во-первых, об этом мечтали мои родители, а во-вторых, я был убежден, что хирургия – это мое. Но над родительскими мечтами и моими планами нависла угроза в виде «комсомольской путевки», возражать при получении которой в те времена не приходилось, потому что если родина говорила «надо!», комсомол обязан был отвечать «есть!». И вот родина говорила мне «надо», но я отказывался верить, что нужен ей не в качестве практикующего клинициста... При одной мысли о необходимости свернуть с хирургической стези и пойти в судебную медицину у меня портилось настроение. Но на кафедру, куда меня отправляли, не явиться я, разумеется, не мог. Понятно, что явился я туда без всякого энтузиазма и настроен был довольно скептически.

Помню, над кафедрой витал породистый «дым отечества» – кто-то курил известную тогда всем «Герцего-

вину Флор»... В голове пронеслись рекламные вирши Маяковского, который, как говорят, тоже предпочитал этот табак: «Любым папиросам даст фор „Герцеговина Флор“» – не без раздражения пробурчал я себе под нос. Дверь открылась, и я увидел заведующего кафедрой судебной медицины – профессора Виталия Николаевича Крюкова, неторопливо и с видимым удовольствием курившего трубку, дымок из которой источал как раз то самое харизматичное благоухание. Я предстал перед статным моложавым мужчиной, который, окинув меня орлиным взором и осведомившись о цели моего визита, без лишних предисловий спросил, что именно известно будущему ординатору его кафедры о судебной медицине.

Желая сразу расставить все точки над «i», я не стал лукавить и признался, что решительно ничего мне о ней неизвестно – кроме того, что кафедра судебной медицины существует. В моем ответе не было дерзости – скорее, слабое эхо подавляемого отчаяния пополам с любопытством: чем же дело кончится?..

– А какие книги по судебной медицине у вас есть? – невозмутимо продолжил беседу Крюков.

– Ни одной. Нет даже учебника, – спокойно констатировал я, ясно давая понять профессору абсолютную случайность своего появления на этой кафедре.

– Ну что же, тогда первой книжкой по **нашей** специальности пусть будет вот эта, – сказал он дружелюбно, взял из стопки книг, возвышавшейся на рабочем столе, научный сборник и протянул его мне. Я мельком взглянул на книгу, увидел незнакомую мне тогда фамилию А.П. Загрядской и приготовился выслушивать профессорские наставления.

Но завкафедрой окончательно сбил меня с толку, задав еще три вопроса, которые, как мне показалось, совсем уж никакого отношения к судебной медицине не имели. Зачем-то он поинтересовался, умею ли я стрелять, печатать и водить машину. Получив ответы в духе «и да, и нет», посоветовал усвоить, что судебно-медицинский эксперт должен уметь стрелять из оружия, водить машину и печатать на машинке. Я изумился, но виду не подал и воспринял это как «задание на перспективу», неопределенно кивнув головой, как бы выказывая свою готовность к неожиданностям, которых, как видно, экспертам избежать не удастся...

Пока он чистил трубку и снова набивал ее табаком, я озирался, скользя глазами по стенам кабинета в поисках неизвестно чего. Наткнувшись взглядом на ошеломляющую картину, уже смотрел на нее, не отрываясь. Это была «Анатомия сердца» – репродукция знаменитого полотна художника Энрике Симоне Ломбардо, которую я тогда увидел впервые.

Заметив мое любопытство, профессор попросил описать неточности, которые допустил художник. Никаких неточностей в изображенной художником мрачной прозекторской с телом мертвой молодой женщины на столе я не увидел. Ошибка же заключалась в том, что Ломбардо, вместо того чтобы написать руку трупа женщины, изобразил руку живой молодой натурщицы. А судебно-медицинскому эксперту это должно бросаться в глаза сразу, потому что развитое трупное окоченение исключает свисание руки с анатомического стола, как это представлено на картине слабо подкованного в части знаний патанатомии Ломбардо. В этот момент

Проф. В.Н. Крюков проводит заседание ректората АГМИ

я почувствовал себя совсем как анатомически безграмотный художник!

– Коллега, не тушуйтесь, у нас с вами чудесная специальность: ни дня без цветов, ни дня без музыки, – покровительственно-добродушно постарался подбодрить меня Крюков, широко улыбнувшись. В его шутке не было и капли нарочитого цинизма или вульгарности, что в противном случае могло бы вызвать во мне стойкую неприязнь. Я нашел в себе силы улыбнуться в ответ и попрощался. Покидая кафедру, про себя с удивлением отметил, как же легко профессору удалось «рекрутировать» меня в эксперты! Казалось, он абсолютно уверен, что я здесь оказался совсем не случайно, и эта его уверенность как будто бы передалась мне.

Заведующий кафедрой судебной медицины определенно вызвал мою симпатию – простотой, величавой неторопливостью и дружелюбием, не лишенным, однако, ироничности. Мало этого – я был заинтригован встречей настолько, что решил, не откладывая в долгий ящик, проштудировать сборник Загрядской... **по нашей** специальности. Открыл и увлекся – моя тоска о рухнувшей хирургической практике начала потихоньку отступать. Я до сих пор еще помню тот «холодок предчувствия» перемен – он буквально ощущался кончиками пальцев, листавших тогда первую в моей жизни книгу по судебной медицине. Прочитанное, казалось, обещало мне интересную жизнь, богатую на события. И я не ошибся!

Студенты кафедры обожали Виталия Николаевича: его лекции были похожи на детективный сериал – начинались ярко и неожиданно, а заканчивались на самом интересном месте. К примеру, он мог заинтриговать аудиторию многообещающей фразой в духе: «Что же мы знаем про убийство 35-го президента США Джона Кеннеди?..» – и, хитро улыбнувшись, добавить: «...а вот об этом мы поговорим в следующий раз».

Сомневаться не приходило, что в следующий раз в аудитории соберутся даже те студенты, в расписании которых лекции Крюкова не было и в помине. И «в следующий раз» профессор, не тратя времени на эпилог, прямо из коридора повторял вопрос из предыдущей лекции и, перешагивая порог, входил в аудиторию, в которой уже стояла звенящая тишина – на профессора

Полотно Энрике Симоне Ломбардо «Анатомия сердца»

смотрели горящие нетерпением десятки пар восторженных глаз.

А как талантливо он мог предварить начало новой лекционной темы! Начинать будто издалека, рассказывая эпизоды из экспертной практики, ловко направляя сюжет туда, где «вдруг» всплывала подводная часть «айсберга» – обнажалась самая суть проблемы, которая и была новой темой лекции. Виталий Николаевич акцентировал ее актуальность и дальше развивал тему, поднимая все ее пласты, от центра к периферии и обратно – от периферии к центру, не оставляя без внимания ни один ее аспект, рассматривая во всех возможных ракурсах.

Так умело и увлекательно поданные темы запоминаются навсегда, и я не сомневаюсь, что в нужный момент необходимые для работы знания всплывут чередой ярких ассоциаций, зерно которых и заронил Виталий Николаевич Крюков на своих лекциях. Он читал их артистично, «вкусно», захватывающе, виртуозно владея материалом и вниманием своей аудитории. Кстати, чтобы послушать криминальные истории XX века, на лекции Виталия Николаевича приходили и студенты старших курсов!

Мне хотелось научиться так же свободно чувствовать себя в вопросах судебной медицины, как мой неподражаемый педагог! Я изо всех сил старался нащупать «свою тему», но долгое время она от меня ускользала – собственные «находки» казались не такими значительными, не такими масштабными и не такими ценными для науки, как мне бы хотелось. Своими сомнениями я время от времени делился с Виталием Николаевичем, который к тому моменту уже стал моим научным руководителем.

Тогда, в поисках методов дифференциации первично и вторично возникших переломов ребер, я проводил серию экспериментов по так называемому «эффекту вклинивания» (во время повторной компрессии отломки первичного перелома вклиниваются друг в друга с формированием признаков повторной травматизации). И вот как-то раз Виталий Николаевич, просматривая мои записи, вдруг оговорился вопросом: «А ты Крюкова знаешь?..»

Я заподозрил какой-то подвох и предпочел вопросом на вопрос не отвечать, а он, почувствовав мое замешательство, понимающе улыбнулся: «Да не меня, а Героя Социалистического Труда Анатолия Михайловича Крюкова, директора птицефабрики „Комсомольская“!» Я с облегчением вздохнул...

– Так вот, – продолжил Виталий Николаевич, – этот мой однофамилец как-то возвращался к себе в район с краевого совещания, и вдруг его машину сильно «подбросило». Они с водителем вышли и увидели под колесами сбитого человека, который вскоре умер. Видишь ли, – размышлял Виталий Николаевич вслух, – нет у нас экспертных критериев, которые позволяли бы определить, машина ли Крюкова сбила этого несчастного. Или, может, она переехала уже кем-то сбитого повторно? Понимаешь, в чем тут проблема?.. Ведь оградить-то от ответственности Анатолия Михайловича мы оградили, но абсолютной уверенности в справедливости такого решения нет. А почему? Да потому только, что тема эта как следует у нас еще не разработана. Будь в нашем арсенале готовые экспертные критерии, могли бы определить точно, виновен был директор птицефабрики или нет.

– Кстати, как тебе диапазон темы? – как бы между прочим спросил меня Виталий Николаевич. По моему виду легко было догадаться, что вопрос прозвучал как риторический: конечно же, я мгновенно увидел и масштаб темы, и значимость, и прикладную ценность своих тогдашних невероятно утомительных и трудоемких экспериментов.

– Дерзай! Тема твоей будущей диссертации требует кропотливости, и, чтобы довести дело до ума, надо стать самоотверженным педантом, – заключил Крюков и велел мне готовить статью в журнал «Судебно-медицинская экспертиза».

Вот так вопрос «знаешь ли ты Крюкова?», заданный мне Крюковым, положил начало абсолютно новой и очень важной теме – П.П.Т., признаки повторной травматизации. Ей я и посвятил добрую часть своей жизни, о чем потом никогда не пожалел.

Надо сказать, тогда я впервые увидел, как Виталий Николаевич – большой поклонник и знаток Маяковского – прямо на моих глазах создал своего рода «поэтическую лесенку», продемонстрировав поразительную способность извлекать актуальность из рутинных ситуаций, когда:

*«...бесполезно грезить,
надо
нести
служебную нужду.
Но бывает –
жизнь
встает в другом разрезе,
и большое
понимаешь
через ерунду».*

Крюков раз за разом поражал своих учеников и коллег умением видеть перспективу там, где никто и не ищет, – в обыденности, в повседневной практике, которая всегда задает самые сложные вопросы. Думаю, именно этот подход так роднит его с Маяковским, в котором Виталия Николаевича восхищала способность рифмовать совершенно не рифмуемые слова, поэтической «лесенкой» выстраивая пронзительно глубокие мысли, которые ошеломляют открытием новых смыслов там, где раньше их не было и, казалось, быть не могло...

♦ «ГРУДЬЮ ВПЕРЕД БРАВОЙ», или КРЮКОВ, КАКИМ ЕГО ЗНАЮТ МНОГИЕ...

О Виталии Николаевиче, авторитетном ученом и талантливом педагоге, написано немало. Открыв любой очерк, рассказывающий о нем, читатель узнает, что

Мать Мария Пантелеевна с сыном Виталием

Отец Николай Лаврович с сыном Виталием

родился Крюков 12 июля 1930 года на хуторе Сухов-1 Михайловского района Волгоградской области и был выходцем из донского казачества – самобытного прилегированного военного сословия.

Люди, читавшие «Тихий Дон», знают: представителей этого сословия отличает врожденное свободолюбие, решительность, бесстрашие и целеустремленность.

Причем «добрый казак» стремится к достижению цели неотступно – он обязан преодолевать любые препятствия, победоносно завершая начатое дело. Рискну даже предположить так: суть «генетического кода» казака заложена в понимании, что желание победить – ничто без желания готовиться побеждать. Я не смею, конечно, безапелляционно утверждать, что так оно и есть, но, вспоминая Виталия Николаевича, с уверенностью могу сказать одно: каждый казак в душе – «атаман», способный увлечь и повести за собой! Те, кому выпали честь и удовольствие общаться с Виталием Николаевичем Крюковым, и без моих разъяснений поймут, что именно я имею в виду.

Его дед по отцовской линии служил и фельдшером, и ветеринаром – по необходимости. А отец был кадровым военным. В доме Крюковых к книгам относились с особым почтением, что для хуторской жизни вообще-то совсем нехарактерно. Благодаря наличию хорошей домашней библиотеки и наставлениям отца Виталий очень рано приобщился к чтению и в первый класс поступил, умея не только читать, но и писать. Как рассказывал сам Виталий Николаевич, школьные учителя, из-за малочисленности своей едва поспевающие за темпами школьной программы, быстро оценили наличие в классе такого «ассистента», как Виталик Крюков. Смешливый и ответственный первоклашка с легкостью удерживал внимание одноклассников, бойко читая им рассказы из учебника по родной речи – иногда и полные 45 минут урока! Как знать – может, судьба уже тогда давала ему подсказки о педагогическом даре, которому предстоит раскрыться в свое время?..

Вообще, Виталий Николаевич нередко удивлялся причудливым линиям человеческих судеб. Да и как не удивиться тому, например, что в медицину его привели обстоятельства драматичного и одновременно прагматичного свойства?! После смерти отца, который скончался незадолго до вручения Виталию аттестата об окончании средней школы, на попечении мальчика осталась беспомощная и растерянная мама. Казалось, что продолжать учебу юноша уже не сможет – дальше он должен заботиться о матери, а не она о нем. Но от приехавшего на каникулы соседа, курсанта Военно-морской медицинской академии, он узнал, что курсанты живут на довольствии государства: им предоставляется казенное жилье, обмундирование и питание. «Лучше и не придумаешь», – смекнул Виталик. – Вот куда нужно поступить, чтобы снять с маминих плеч непосильную для нее ношу по содержанию студента».

Надо ли говорить, что эта цель была им достигнута – в академию абитуриент Крюков поступил! Как потом об этом вспоминал сам Виталий Николаевич, его знания по учебным дисциплинам были на должном уровне, однако хорошо подготовленных ребят среди поступающих в академию оказалось много – ему было с кем конкурировать. Но вот экзамен на закалку выдержать смог не каждый из них... Виталию же удалось не только блеснуть подготовкой на вступительных экзаменах, но и продемонстрировать прекрасную физическую форму, что в итоге и определило решение комиссии в его пользу.

Однако за год обучения в академии и курсант Крюков ослаб здоровьем – из-за невозможности полноценно питаться он приобрел диагноз, исключивший возможность продолжения учебы в этой академии. Поэтому на карьере военного врача, как ни обидно, пришлось поставить крест. Но год учебы в медицинском вузе Виталий терять не собирался, потому что медицину считал уже абсолютно осознанным выбором. В 1950

Впереди Сибирь

В начале научной деятельности. Москва

Учитель и ученик (В. М. Смольянинов и В. Н. Крюков)

В.Н. Крюков – ректор АГМИ им. Ленинского комсомола вступает перед студентами-стройотрядовцами на осеннем слете ССО. Барнаул, 1979 г.

году юноша становится студентом лечебного факультета 2-го МОЛГМИ, а в 1955 году – его выпускником. Крюков шутил, что он один такой студент, который вместо шести лет учился на лечфаке всего пять.

Здесь следует добавить, что Виталий Николаевич был учеником известного судебного медика – профессора Владимира Михайловича Смольянинова, которому довелось работать в группе экспертов, идентифицировавших останки Гитлера. Наставничество

знаменитого профессора заметно расширило круг научных интересов студента Крюкова, которому Смольянинов «по признакам глубочайшей погруженности в научную работу» поставил «диагноз», не оставивший сомнений в истинном предназначении молодого человека: Виталий Крюков должен служить науке! Впрочем, Виталий Николаевич с готовностью принял и «диагноз, и назначение», открывавшие ему дверь в аспирантуру.

Там, под руководством профессора В. М. Смольянинова, аспирант Крюков исследует *механизмы переломов костей при ударах тупыми предметами*, отражая результаты этого исследования в своей диссертации. Актуальность выбранной темы автор определял полным отсутствием базы данных по телесным повреждениям, в которой тогда остро нуждались специалисты для экспертной оценки криминальных случаев. Будучи первопроходцем в этой теме, аспирант Крюков, по обыкновению, погрузился в работу с головой.

Летом пятьдесят восьмого года он с блеском защитил диссертацию на кафедре судебной медицины и получил назначение в Барнаул.

В 1958 г. для организации кафедры судебной медицины после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации во 2-м МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова решением МЗ РСФСР был направлен Виталий Николаевич Крюков. Это событие стало началом зарождения и становления научной и практической школы судебной медицины на Алтае.

Такого распределения Крюков никак не ожидал... Позже он с улыбкой вспоминал, что ему было лестно лишь то, что в Алтайском государственном медицинском институте его ждало место заведующего кафедрой судебной медицины! Правда, он не знал тогда, что кафедра эта существовала лишь в воображении. Перспективного молодого кандидата наук направляли туда в качестве ее организатора. На месте же ему стало понятно, что ни специального помещения, ни оборудования, ни учебной литературы, ни подходящих пособий пока нет... Хуже этого оказалось то, что необходимых кадров там не было вовсе. Их «появление» и являлось главной задачей командированного в Барнаул Виталия Николаевича.

Скромные предпосылки для развития кафедры судебной медицины в Алтайском медицинском институте можно было компенсировать разве что организаторским куражом, замешанном на энтузиазме. И молодой ученый (в жилах которого течет казачья кровь!) принял этот вызов, осознавая, что любая дорога начинается с первого шага. Значит, надо просто начать шагать.

***Грудью вперед бравои!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!***

Последовательно и неуклонно Крюков – «*грудью вперед бравои*» – стал продвигаться к цели. Всю дистанцию, именуемую «открытием кафедры судебной медицины Алтайского государственного медицинского института», он прошел, опираясь на оптимизм Полины Шадьмовой – старшего и единственного (!) лаборанта зарождающейся кафедры.

Два легендарных «шагающих», преодолевая на своем пути немислимые препятствия, завершили победо-

Коллектив кафедры судебной медицины АГМИ. 1960 г.

Сотрудники кафедры судебной медицины АГМИ. 1970 г.

носный марш и «флагами небо оклеили» первого сентября 1958 года. Этот день стал днем рождения кафедры судебной медицины в Алтайском государственном медицинском институте – и днем начала занятий. Заведующему кафедрой Виталию Николаевичу Крюкову к этому моменту исполнилось 28 лет!

Невероятная зрелость каждого шага и решения молодого ученого, его практичность и распорядительность не оставляли у руководства вуза сомнений в мощном организаторском даре Крюкова. Помимо этого, он показал широту эрудиции и завидную профессиональную компетентность. Все эти дорогие качества руководителя многократно умножались его человеческим обаянием. Удивительно ли, что не прошло и года, как молодому Крюкову предложили возглавить лечебный факультет?.. Деканскую должность он принял в двадцать девять лет – головокружительная карьера, не так ли?

Виталий Николаевич принял факультет, но и кафедре не оставил. Там он развернул большую научно-исследовательскую деятельность по изучению механизмов образования переломов костей скелета человека – систематизированных знаний в этой области тогда почти не было, и их дефицит сказывался на качестве раскрытия преступлений.

Занимаясь решением сразу множества задач, молодой руководитель особенно остро чувствовал нехватку специалистов, потому что понимал – «взять» их нелегко! А ведь устранить острейший кадровый дефицит в сибирском регионе – и есть главная цель, которую определило ему государство. Если с целью все было понятно, то со средствами для ее достижения оказалось сложнее: ресурсы нужно было изыскивать самому. Крюков рационально рассудил: будем

воспитывать способных студентов так, чтобы они, развиваясь сами, развивали вуз. Регион нуждается в первоклассных специалистах, значит АГМИ станет их кузницей!

Что касалось кафедры судебной медицины, то учеба там была организована через клиническую ординатуру и аспирантуру. Кадры готовили не только для Алтайского края, но и для всего сибирского региона, что довольно быстро превратило кафедру во влиятельный межрегиональный центр подготовки судмедэкспертов высокой квалификации.

Четыре года проработав в должности декана, Виталий Николаевич получает новое назначение – становится проректором по учебной и научной работе, а в 1964 году, в возрасте 34 лет (!), он возглавил Алтайский мединститут.

В период руководства Крюкова в вузе были открыты педиатрический и фармацевтический факультеты, два новых учебных корпуса, общежитие для студентов и спорткомплекс. Он стал инициатором открытия аспирантуры и формирования Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата медицинских наук.

И, конечно, нельзя не отметить, что АГМИ (до 1994 года у вуза был статус института) получил имя Ленинского комсомола именно в те времена, которые в Алтайском медицинском университете до сих пор именуют «эпохой Крюкова», и... Впрочем, список реализованных инициатив Виталия Николаевича так обширен, что из одного только их перечисления можно было бы составить целую брошюру. Мне же хочется продолжить рассказ о том, что, по моему мнению, определило высокий «градус» всей его жизни – о вечной молодой энергии, которая заряжала все, чем бы он ни занимался.

◇ МЫ ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ПЕРЕДЕЛАЕМ!

*Молодежь –
это имя –
дар тем,
кто влит в боевой КИМ,
тем,
кто бьется,
чтоб дни труда
были радостны
и легки!*

Тут я не могу не упомянуть о знаменитых на всю страну студенческих строительных отрядах АГМИ. Действительно, они были признанными лидерами не только в Алтайском крае, но и в СССР. Именно за трудовые успехи бойцов этих легендарных «медицинских» стройотрядов в 1979 году АГМИ удостоился имени Ленинского комсомола. Но столь громкому событию предшествовали ох какие длительные хлопоты молодого руководителя вуза! Уточню: беспрецедентно молодого, а в силу этого – полного дерзких планов, оплодотворенных творческим подъемом.

Молодой Виталий Николаевич как никто понимал: его подопечным нужно расти и развиваться, мужать и учиться брать на себя ответственность не только во время учебы. А трудовые семестры – прекрасная возможность закалить характер, получить жизненный опыт и, наконец, заработать! В 1963 году, который вошел в летопись мединститута как начало стройотрядовского движения, Крюков решил основательно

заняться формированием студенческих строительных бригад.

*Наш труд
сверкает на «Гиганте»,
сухую степь
хлебами радуя.*

*Наш труд
блестит.
Куда ни гляньте,
встает
фабричную оградю.*

Трудовые семестры, организованные Крюковым, открывали «птенцам его гнезда» абсолютно новые горизонты. Переоценить такой опыт было трудно, как невозможно не оценить внимание ректора к вопросам оздоровления студентов и преподавателей: АГМИ стал первым институтом в крае, у которого его стараниями появилась собственная лыжная база. Он заботился и о жилье для своих подопечных, и о том, чтобы они могли заниматься не только наукой, спортом, но и творчеством, – старался охватить все стороны жизни, чтобы она бурлила, искрилась событиями, была живой, интересной, стимулирующей к развитию и привлекающей новых людей. Общий настрой, как мне кажется, лучше всего передал бы припев казачьей песни: «Любо, братцы, любо...», потому что «с нашим атаманом» не приходилось тужить. А если серьезно, то было ощущение, что АГМИ становится центром притяжения активной части сибирской молодежи, а Крюков – центром притяжения ярких и разносторонних инициатив.

Припоминаю записки одного из воспитанников Виталия Николаевича, Валерия Киселева (ныне он доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН), про первый театр студенческих миниатюр. Валерий рассказывал, что, поскольку идея эта не находила одобрения у парткома, ребята решили за поддержкой обратиться к Виталию Николаевичу, который, выяснив, что в спектакле есть миниатюра и про него тоже (причем довольно острая!), тут же дал согласие на проведение спектакля. По словам Киселева, «ректор был настоящим шестидесятником по духу – он поддерживал все начинания студентов».

Я с ним абсолютно согласен и не могу не рассказать еще один запомнившийся не только мне эпизод. Говоря «шестидесятники», многие подразумевают кавээнщики – искрометные шутки, каламбуры, бурлески, остроумные диалоги... Конечно же, алтайские медики были заядлыми кавээнщиками! Как-то в финальном сражении встретились студенческие команды медицинского и политехнического институтов. Задание было несложное – расшифровать аббревиатуру КВН. Студенты-политехники в грязь лицом не ударили, «грубо, весомо, зримо» констатировали: «Клуб Веселых и Находчивых!» Ну а медики просто удивились тому, что не все еще, оказывается, знают, что КВН – это Крюков Виталий Николаевич. Зал политехнического института, где проходил тогда финал игры, взорвался от хохота и аплодисментов!

Кстати, тренером нашей команды был Влад Плаксин, в то время ассистент кафедры судебной медицины и кандидат медицинских наук. Виталий Николаевич с большой симпатией к нему относился и очень доверял Владу. Вообще же, что касается доверия молодежи, думаю, Крюков был уникален. Притом что наставник наш, требовательный к себе и ко всем остальным, безупречности не искал: будучи мудрым человеком, Вита-

Ученики профессора В.Н. Крюкова: доктора медицинских наук, профессора

Авдеев Александр
Иванович

Бахметьев Владимир
Иванович

Бачинский Виктор
Теодосович

Буромский Иван
Владимирович

Галицкий Франц
Антонович

Исаев Юрий
Сергеевич

Клевно Владимир
Александрович

Мальцев Алексей
Евгеньевич

Новиков Петр
Иванович

Плаксин Владислав
Олегович

Саркисян Баграт
Амаякович

Семенников Виталий
Семенович

Теньков Александр
Афанасьевич

Хохлов Владимир
Васильевич

Янковский Владимир
Эдуардович

лий Николаевич оставлял право каждому на обретение собственного опыта, который, как известно, и есть «сын ошибок трудных». Не поучая и не стесняя чрезмерной опекой, он помогал нам взрослеть по-настоящему – через набивание шишек. При этом в АГМИ ему удавалось создать здоровую атмосферу заинтересованной сплоченности. Студенты, чувствуя живое участие ректора в решении всех своих проблем, охотно шли на диалог с ним и легко генерировали свежие идеи. Но самое ценное, что молодежь получала взамен своей открытости, – безграничное доверие Виталия Николаевича.

В такой среде интересно жить и работать, потому что видны перспективы. А наличие перспектив стимулирует расти, пробиваться к новым вершинам. Кстати, что-то, а стимулировать и создавать «конкурентную среду» Крюков умел! Благодаря его дальновидности и способности чувствовать людей сегодня мы можем говорить о грандиозном наследии, которое продолжает развиваться – уже через учеников Виталия Николаевича. Их много, и сегодня они составляют цвет отечественной судебно-медицинской науки и практики.

♦ ПЛЕЯДА. ОРБИТЫ, КОМЕТЫ И СПУТНИКИ

В одном из номеров журнала «Судебно-медицинская экспертиза» за 2014 год был опубликован материал, посвященный 55-летию юбилею АГМУ, где представлена впечатляющая статистика, которая отражает масштаб деятельности Виталия Николаевича в науке и отрасли в целом. Предлагаю читателю лишь пунктирно пробежаться по цифрам упомянутой публикации: «Среди учеников В. Н. Крюкова 22 доктора и более 50 кандидатов медицинских наук. Многие из его учеников уже сами являются профессорами и доцентами, заведуют кафедрами и курсами судебной медицины, возглавляют государственные судебно-медицинские экспертные учреждения».

ГРАВИТАЦИОННАЯ СВЯЗАННОСТЬ РАССЕЯННЫХ ЗВЕЗДНЫХ СКОПЛЕНИЙ, или АЛТАЙСКАЯ ПЛЕЯДА

Стараниями Крюкова сформировалась плеяда известных судебных медиков, которые, как «звездные скопления», рассеянные теперь уже не только по России, светят в ближнем и в дальнем зарубежье. «Звезды» и даже «кометы» Крюковской школы – бывшие сотрудники, аспиранты и ординаторы его кафедры – работают в различных вузах страны.

В основном это выпускники альма-матер, пришедшие на кафедру судебной медицины в качестве аспирантов и ординаторов, выполнившие и защитившие вначале кандидатские, а затем докторские диссертации под научным руководством профессора В. Н. Крюкова – В. С. Семенников, В. Э. Янковский, А. А. Теньков, В. О. Плаксин, Б. А. Саркисян, В. А. Клевно и кандидатские диссертации – Г. Т. Бугуев, Ю. В. Кузнецов, П. П. Горобец, Ж. Д. Мищенко, О. Н. Черненко, Г. И. Копылов, В. Ф. Мазур, В. Ф. Жуков, А. М. Кашулин, А. И. Зорькин, А. А. Сиряцкий, Л. А. Томилина, Д. Т. Бугуев и другие.

Многие из них стали заведующими кафедрами судебной медицины и начальниками бюро судебно-медицинской экспертизы, профессорами и доцентами, известными врачами – судебно-медицинскими экспертами и преподавателями.

Первым из учеников В. Н. Крюкова, кто возглавил кафедру судебной медицины, был профессор В. С. Семенников, уехавший в Казань. Профессор В. Э. Янковский остался в Алтайском медицинском институте; профессор

Практические занятия с субординаторами кафедры

Проф. В.Н. Крюков принимает поздравления от коллег после выступления с актовой речью. Москва, 1998 г.

А. А. Теньков работает в Курском. Профессор В. О. Плаксин – в РГМУ им. Н. И. Пирогова, профессор Б. А. Саркисян – на ФУВ Алтайского медицинского института. Автор этих строк, профессор В. А. Клевно, – на ФУВ МОНИКИ им. М. Ф. Владимирского.

Немало алтайских коллег науке предпочли практику, возглавив бюро судебно-медицинской экспертизы в разных регионах страны. Выпускник кафедры к.м.н. В. Ф. Мазур возглавил Мурманское, а затем Калининградское бюро СМЭ; Ю. Н. Гусев – Мурманское; к.м.н. П. П. Горобец – Иркутское; Ю. Л. Лопатин – Владимирское; И. В. Маслаков – Сочинское городское бюро. Алтайское бюро всегда возглавляли выпускники кафедры: к.м.н. Г. Т. Бугуев, к.м.н. Ю. В. Кузнецов и проф. Б. А. Саркисян, а сегодня у руля В. А. Башмаков, В. Г. Баскаков и проф. А. Б. Шадымов. Начальниками бюро СМЭ Горно-Алтайской автономной области, а затем Республики Алтай, тоже были «свои кафедры» – М. Б. Ан, И. Э. Яимов и Ю. А. Сабашкин.

С 1984-го по 1994 год Бюро главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России руководил доцент В. О. Плаксин, а заведующей общим отделом этого бюро была к.м.н. Л. А. Томилина. В период 2004–2009 годов Российским центром судебно-медицинской экспертизы руководил я, а с 2012 года возглавил Бюро СМЭ Московской области.

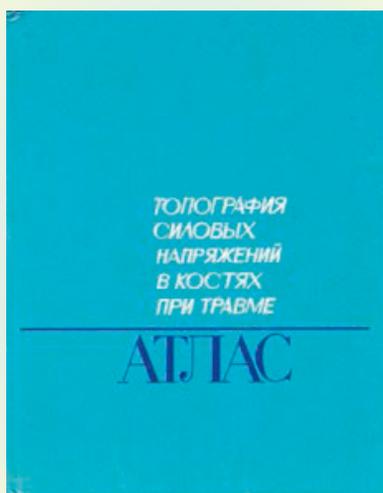
Старшее поколение судмедэкспертов еще помнит, что в Советском Союзе до середины 80-х годов последипломная подготовка осуществлялась на трех кафе-

Профессор В.Н. Крюков демонстрирует ассистенту А.А. Тенькову возможность прибора СВЧ

Съемка эксперимента: режиссер-постановщик проф. В.Э. Янковский, кинооператор асс. Г.И. Копылов

Лучшая научно-исследовательская работа 1987 года

драх судебной медицины: в Москве (ЦОЛИУВ), в Ленинграде (ГИДУВ) и Харьковском ГИДУВе. Судебные медики Сибири и Дальнего Востока могли обучаться там не чаще одного раза в 10–15 лет, из-за ограничений по количеству мест. Поэтому в 1986 году решено было организовать кафедру судебной медицины на факультете усовершенствования врачей АГМУ (зав. – проф. Б. А. Саркисян). Получилось так, что и этот практичный ход усилил уникальность Алтайского медицинского университета – до недавнего времени он оставался единственным вузом, в котором было две кафедры судебной медицины: для обучения студентов и для последипломной подготовки практических экспертов.

Благодаря подобным неординарным решениям достижения Алтайской школы судебных медиков получили широчайшее распространение, став достоянием не только российских регионов, но и других стран – за 30 лет на кафедре подготовку прошли более трех тысяч российских и зарубежных экспертов!..

НОВЫЕ ОРБИТЫ

*Будет и мой черед –
Чую размах крыла.
Так –
но куда уйдет
Мысли живой стрела?*

Что же собой представляет Алтайская научная и практическая школа судебной медицины, основы которой были заложены Виталием Николаевичем Крюковым? Одним словом здесь не обойтись, но, полагаю, достаточно сказать, что эта школа и поныне считается сильнейшей в России по костной травме.

До Крюкова судебно-медицинская костная травматология находилась в зачаточном состоянии. Отсутствие объективных критериев механизмов и условий образования переломов костей скелета при травме твердыми тупыми предметами не позволяло практикующим экспертам проводить экспертизы на должном уровне. Но для того чтобы у них появилась надежная, научно обоснованная опора Виталий Николаевич заложил проблему своей кандидатской диссертации *механизмы образования переломов длинных трубчатых костей* в основу программы исследований Алтайской научной школы судебных медиков.

Начиная с 60-х и до конца 70-х годов на кафедре изучали механогенез, морфологические особенности и условия образования переломов костей и костных комплексов скелета при однократных ударах и сдавлении твердыми тупыми предметами: плоских и трубчатых костей – В. Н. Крюков; костей таза – В. С. Семенников, Б. А. Саркисян; грудной клетки – Г. Т. Бугуев, А. М. Кашулин, Д. Т. Бугуев, В. А. Клевно; длинных трубчатых костей – Г. И. Копылов, О. Н. Черненко, В. Э. Янковский, Б. А. Саркисян; позвоночника – П. П. Горобец, В. О. Плаксин, А. И. Коновалов; черепа – Ж. Д. Мищенко, В. Ф. Жуков, А. Я. Тайченачев, В. О. Плаксин.

Для формирования теоретической базы, объясняющей основы общих закономерностей деформации костей и их последующего разрушения, проводились масштабные научные исследования, включавшие оценку экспертного материала, анализ влияния анатомических особенностей повреждаемых костей и костных комплексов на характер переломов, а также результаты экспериментального моделирования. Думаю, эти эксперименты стоят отдельного упоминания.

Для кафедральной лаборатории профессору Крюкову удалось получить уникальную аппаратуру – она считалась одной из лучших в стране и позволяла, не покидая института, выполнять фундаментальные работы в предельно короткие сроки. Например, с помощью тензометра мы могли определять критические величины деформаций в костях при травме.

Тензометрические датчики, преобразующие величину деформации в удобный для измерения сигнал, наклеивали розетками – по три на каждую точку ребра по анатомическим линиям грудной клетки – и фиксировали результаты наблюдений. Так удалось собрать уникальный материал, который был обобщен и опубликован в виде знаменитого атласа В. Н. Крюкова «*Топография силовых напряжений в костях при травме*», который в 1987 году Правлением Всесоюзного НОСМ признан лучшей научно-исследовательской работой года и награжден специальным дипломом.

Впервые в отечественной судебно-медицинской травматологии методы исследования, заимствованные у технических дисциплин, стали применять именно «алтайцы» (сопромат, строительная механика и др.). Они же впервые использовали электротензометрию как метод обоснования достоверности локализации и морфологии формирующихся переломов. Строго говоря, «алтайские наработки» позволили сформировать научную базу, ставшую основой учения о переломах костей.

А следующим этапом исследований сотрудников кафедры стало изучение переломов костей и костных комплексов при неоднократных воздействиях твердыми тупыми предметами (два удара, два сдавления, удар и сдавление). Полученные результаты впервые в судебно-медицинской травматологии позволили объективно устанавливать кратность и последовательность внешних воздействий. В основу диагностики были положены морфологические признаки, получившие широкую известность как признаки повторной травматизации (грудная клетка – Д. Т. Бугуев, В. А. Клевно; таз – Б. А. Саркисян; череп – В. О. Плаксин).

Продолжением научных изысканий алтайских специалистов стало изучение возможности установления места и направления удара, вида внешнего воздействия, последовательности, прижизненности и давности причинения повреждений по микроповреждениям в костях при травме, признакам повторной травматизации, признакам прижизненности и давности образования переломов (В. А. Клевно, И. Б. Колядо, А. Е. Тупиков и др.).

Достаточно осознать многогранность научных исследований, выполненных учениками Виталия Николаевича Крюкова, и оценить значимость алтайской плеяды в развитии судебно-медицинской костной травматологии, чтобы отчетливо представить себе масштаб деятельности мощного содружества судебных медиков Алтайской школы. Как теперь уже очевидно, традиции этой школы не только сохранены – они успешно развиваются последователями Виталия Николаевича. А постоянное расширение сферы научных интересов его учеников обещает появление новых «орбит».

ТАКУЮ ОКРЕСТНОСТЬ И ОБОЗРЕТЬ ЛЕСТНО

*Я дней не считал.
И считать на что вам!
Отмечу лишь:
сквозь еловую хвою,
года отшумевши с лесом мачтовым,
леса перерос и восстал головою.*

...

С учеником профессором В. А. Клевно. Москва, 1992 г.

Рабочий кабинет Виталия Николаевича во 2-м МОЛГМИ

*Как только голова поднялась над лесами,
обозреваю окрестность.
Такую окрестность и обозреть лестно.*

В 1979 году Виталий Николаевич вернулся в Москву, во 2-й МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова, и возглавил кафедру судебной медицины, которой впоследствии руководил на протяжении двадцати лет. Алтайскую кафедру он тогда оставил своему ученику – профессору Янковскому.

Московский период профессора В.Н. Крюкова был связан с продолжением начатых на Алтае тем. И к корифею судебно-медицинской науки отовсюду потянулись соискатели – среди докторантов были В.В. Сергеев и С.Е. Винокурова из Самары, А.В. Касатеев из Читы, В.В. Хохлов из Смоленска, В.И. Бахметьев из Воронежа, Ю.С. Исаев из Иркутска, А.Е. Мальцев из Кирова, Ф.И. Галицкий из Астаны, В.Т. Бачинский из Черновцов И.А. Гедыгушев из Москвы и другие..

Помимо иногородних, под широкое крьюковское крыло попали преподаватели кафедры судебной медицины – Л.Е. Кузнецов, Б.С. Николаев, Е.М. Кильдюшов и И.В. Буромский защитили докторские, а Ю.А. Солохин, Ю.К. Сальников, Н.Н. Качина, Е.А. Башкирёва и другие – кандидатские диссертации.

Переехав в Москву, Виталий Николаевич не упускал возможности побывать в Барнауле – приезжал туда каждое лето. Мы готовились, организовывали ему отдых в Горном Алтае, выбирались на рыбалку и охоту. Крюков презирал халтуру в работе и совершенно не переносил бутафорские трофеи, поэтому дичь и рыбу надо было добывать самостоятельно и честно, а не покупать ее у местных браконьеров. Браконьерская снесь всегда будет с привкусом преступления, значит ни радости, ни пользы от нее никакой. А зато из собственноручно пойманных рыбешек уха выходит душевная – как же отменно Виталий Николаевич ее готовил! Вспоминаю до сих пор... И вообще он умел здорово, по-мужски готовить. Так же, по-мужски, дружил и опекал всех нас.

Фрактография как новое направление в теории и практике судебной медицины

Мы могли говорить с ним, сидя у костра до самого рассвета и обсуждая всё на свете – от науки до охоты. Виталий Николаевич потчевал нас охотничьими байками, которые нам так нравилось слушать в его исполнении. Ну а он даже через байки умудрялся учить профессиональному мастерству. Что там через байки – даже через живопись! Наверное, это помнят все: у него в московском рабочем кабинете, что в Хользуновом переулке, висела картина: профессор Петр Андреевич Минаков (первый заведующий кафедрой судебной медицины) держит в руках череп человека и пристально вглядывается в округлые формы нескольких сквозных отверстий. Крюков не упускал случая протестировать коллег, предлагая им описать увиденное на картине с судебно-медицинской точки зрения. Обычно эксперт, впервые видевший картину, описывал эти повреждения как входные огнестрельные пулевые отверстия. На самом деле Минаков держал череп человека, попавшего в лапы медведя, который оставил на черепе жертвы пять сквозных повреждений от когтей, которые по форме напоминают огнестрельные отверстия.

Кстати, именно в этом кабинете шеф знакомил меня с Павлом Павловичем Шириным, в то время заместителем заведующего отделом науки и учебных заведений

На заседании диссертационного совета при РЦСМЭ. Москва, 2008 г.

Проф. В.Н. Крюков с учениками профессорами И.В. Буромским, В.А. Клевно и Е.М. Кильдюшовым. Москва, 2005 г.

ЦК КПСС, а по совместительству доцентом кафедры судебной медицины. Я приехал из Барнаула и отправился к Виталию Николаевичу. Была суббота, на кафедре – рабочий день, в кабинет Крюкова вошел элегантный седоволосый человек небольшого роста. Он протянул мне руку, я вежливо отрекомендовался: «Ассистент кафедры судебной медицины Алтайского государственного...». «Погоди, представься правильно», – вдруг остановил меня Виталий Николаевич шутливым намеком. Я сообразил, к чему он клонит, и браво представился: «Секретарь комитета комсомола Алтайского государственного медицинского института имени Ленинского комсомола!» – «Да, звучит!» – весело согласился Павел Павлович...

Когда я слышу слово «единомышленники», то представляю себе Ширинского и Крюкова. Для меня это пример грандиозного дружеского и делового тандема двух сильных, умных и мудрых людей, общение с которыми наполнило мою жизнь огромной радостью и смыслом.

В короткие минуты отдыха

Я благодарен им за это и за умение поддерживать и вдохновлять людей в нужную минуту.

Никогда не забуду день защиты своей кандидатской. Защита проходила 15 июня 1981 года на Малой Пироговке. Председателем совета был Владимир Михайлович Смольянинов. Речь моего научного руководителя оказалась емкой, но краткой, и закончил ее Виталий Николаевич неожиданно «пафосно» – риторическим вопросом: «Могли ли я сказать больше, чем сказано в майском Указе Президиума Верховного Совета СССР?!» Никто толком не понял, что за указ такой, но с его помощью удалось досрочно решить вопрос защиты диссертации о компрессионных переломах грудной клетки...

Оказалось, Крюков из этого майского Указа узнал о награждении 1700 участников патриотического движения студенческих отрядов орденами и медалями СССР, в числе которых значился и я, удостоившись правительственной награды – медали «За трудовую доблесть». Вот Виталий Николаевич и выбрал неза-

В гостях у проф. В.Н. Крюкова выходицы с Алтая, профессора Б.В. Цайтлер, член-корр. РАН Я.Н. Шойхет, О.В. Ромашин, В.А. Клевно, член-корр. РАН В.И. Киселев, В.О. Плаксин, Г.С. Михайлов

Указующий перст профессора В.Н. Крюкова. Москва, 2005 г.

урядный момент, чтобы поздравить меня с этим награждением так по-особенному, по-крюковски: остроумно и со значением!

13 апреля 1998 года на заседании Ученого совета РГМУ им. Н.И. Пирогова профессор В.Н. Крюков произнес активную речь «Фрактография как новое направление в теории и практике судебной медицины». Я имел честь быть приглашенным на это заседание и стал свидетелем блистательного выступления своего учителя. Я был восхищен его преданностью науке – делу, которому он посвятил свою жизнь. Тогда, сохраняя присущую ему особую величавую сдержанность, Виталий Николаевич был по-настоящему воодушевлен. Как он говорил! Я до сих пор считаю, что та активная речь Заслуженного деятеля науки РСФСР Виталия Николаевича Крюкова была апофеозом его научной деятельности – фактически он объявлял о революционном прорыве, выводящем судебно-медицинскую науку на новый виток развития.

Сейчас фрактографическим исследованиям, которые позволяют выявлять особенности разрушения

За рабочим столом с член-корр. РАН, профессором В.И. Киселевым. Москва, 2008 г.

кости с учетом вида и направления внешнего воздействия, посвящено множество публикаций, докторских и кандидатских диссертаций. Сегодня эти методы являются неотъемлемой частью медико-криминалистических экспертных исследований в любом региональном бюро судебно-медицинской экспертизы, но тогда это было новое слово в науке.

В 1999 году Виталий Николаевич перешел на должность профессора кафедры судебной медицины и был избран почетным ее профессором. В 2003 году В.Н. Крюкову была присуждена медаль Рудольфа Вирхова – высшая награда Европейской академии естествознания.

В 2000 году Межрегиональная ассоциация «Судебные медики Сибири» учредила ежегодную «Премия имени В.Н. Крюкова» за значительные достижения в научной работе и организации судебно-медицинской службы.

5 июня 2015 года кафедре судебной медицины и права с курсом ФПК и ППС Алтайского государствен-

Профессор В.Н. Крюков с учениками профессорами И.В. Буромским и В.А. Клевно. Москва, 2005 г.

Профессору В.Н. Крюкову – 80 лет! Чествование юбиляра в Представительстве Алтайского края. Москва, 2010 г.

ного медицинского университета было присвоено имя В. Н. Крюкова...

Он умер 18 января 2015 года.

На фасаде главного корпуса медуниверситета установлена памятная доска в честь Заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора медицинских наук, основателя школы судебной медицины на Алтае, профессора Виталия Николаевича Крюкова.

22 октября 2015 года по инициативе ректора И.П. Салдана в Алтайском государственном медицинском университете состоялась мемориальная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения доктора медицинских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР, члена-корреспондента Международной академии социальной и судебной медицины, почетного профессора АГМУ, ректора АГМИ (1964–1979) В. Н. Крюкова.

СПУТНИКИ

Послушайте!

Ведь, если звезды

зажигают –

значит – это кому-нибудь нужно?..

При своей преданности науке Крюков, как человек широкой натуры, понимал, что жизнь все-таки больше науки. Он был жизнелюбивым и восприимчивым, страстно любил казачьи песни, поэзию, природу, хорошие трубки и охоту – удовольствия, ставшие его постоянными «спутниками».

Когда при первой нашей встрече он спросил меня про умение стрелять, я не понял, чем уж так ценен этот навык для судебно-медицинского эксперта. Но впервые побывав с Виталием Николаевичем на охоте, я ясно осознал: эксперт, как и охотник, прежде всего – следопыт. Он должен уметь идти многие километры по бездорожью, стойко преодолевая препятствия ради поставленной цели.

Серьезный охотник изучает и знает повадки зверей, безошибочно читает их следы, легко находит места их обитания и прекрасно владеет секретами маскировки. Я понял, что эти навыки являются неотъемлемой частью нашей профессии: как охотнику важны трофеи, так и эксперту важно уметь их добывать. И уж если охотник

получил возможность сделать «выстрел», он не должен упустить свой шанс – важно быть бдительным, по-снайперски точным и метким. И эксперт должен научиться «стрелять» наверняка – ведь второго шанса у него может и не быть.

Все эти качества, состоящие из понимания «культуры охоты» (обрядов, этики и безопасности обращения с оружием), Виталий Николаевич исподволь, но методично, воспитывал и культивировал в своих учениках. Он воспитывал в нас следопытов, которые умеют искать ответы на вопросы и обязательно находить их!

Какое же это было счастье – постоять с ним на тяге, на обычном утином перелете, послушать гончую, подсветить селезня и вздрогнуть от хлопанья крыльев взлетевшего тетерева, предвкушая богатый трофей!..

Сегодня я точно знаю, что одним из самых ценных «трофеев» в моей жизни стало его мудрое наставничество – за что я безмерно благодарен своему незабываемому учителю! Конечно, «не могут люди вечно быть живыми, но счастлив тот, чье помненье будет имя». Имя Виталия Николаевича Крюкова забыть невозможно – для каждого из нас, его последователей и учеников, оно стало нашим главным «орбитальным спутником» в науке и в жизни.

Международная научно-практическая конференция, которую мы посвящаем крупному ученому и замечательному человеку – В. Н. Крюкову, не просто дань его памяти: это возможность еще раз убедиться в существовании той поразительной «гравитационной связанности» его учеников, которых Виталий Николаевич сплотил во имя развития науки, новых открытий и укрепления школы высококлассных судебно-медицинских экспертов. Постараемся же и в этот раз оправдать его высокое доверие...

Мемориальная доска на фасаде здания АГМУ.

В церемонии открытия приняли участие дочери В. Н. Крюкова – Алла Витальевна Цайтлер и Светлана Витальевна Барулина

